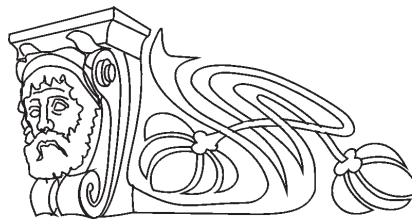

УДК 316.6

ОБРАЗ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Е. Ю. Шакирова

Шакирова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал, г. Сызрань), 5526reu@mail.ru

Войну как сложное социальное явление можно анализировать с различных позиций: она предстает как социально-политическое явление, как цивилизационное, как экзистенциальное. Главное на войне – человек, поэтому война воспринимается не только на уровне фактов, но и в виде образа, который представляет комплекс представлений о ней, включающий и оценку событий, и оценку врага, и собственный образ. В структуре образа войны автор выделяет прообразы, синхрообразы и протообразы. Содержание и формирование образа войны необходимо рассматривать в тесной связи с социокультурной системой: особенности текущей социокультурной ситуации детерминируют изменение коллективной памяти, элементом которой являются и образы войны. Существование единой коллективной памяти, наполненной образами, разделяемыми всеми, невозможно. Информационный плюрализм, кризис гуманитарного и исторического знания, расширение сети средств массовой информации стимулируют появление неоднородных по смысловому наполнению образов коллективной памяти, которая предстает как избирательное явление: зачастую нивелируется значение одних событий и преувеличивается значений других. Своеобразие современной социокультурной ситуации приводит к милитаризации сознания и к оправданию войны как таковой, возникает новый социоантропологический типаж – «человек воюющий», для которого война становится этической нормой.

Ключевые слова: война, образ, образ войны, человек, мировоззрение, историческая память.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177

Мир и война – два состояния общества, которые характеризуют развитие человечества с момента его появления на нашей планете. Россия пережила много войн. Жива еще в памяти народа Великая Отечественная война, унесшая жизни многих наших соотечественников. Образы войны, рожденные в сознании народа, живут и определяют поведение современных поколений, тех, которые той войны не знают, но знают уже другие войны, пусть не столь масштабные, но не менее значимые для исторической памяти народа.

Изучение войн сквозь призму гуманитарных наук не теряет актуальности на протяжении многих столетий. За это время было предпринято много попыток выявить их основополагающие характеристики и закономерности, на основе которых можно было бы вывести дефиницию войны. Существует множество определений войны, но с позиции обыденного мировоззрения людей, война – это катастрофический период, сопровождающийся бедствиями, разрушениями, несчастьями. Именно такую эмоциональную окраску имеет образ войны в общественном сознании. Действительно, война в силу ее развернутости в социокультурном пространстве воспринимается не только и не столько на уровне фактов, сколько в виде образа, имеющего эмоциональную окраску. Война ставит человека на край бытия, разрушая его и психологически, и физически, и одновременно переводит темп жизни в верхний регистр. Война обнажает слепые и агрессивные природные инстинкты, с одной стороны, но, с другой, раскрывает и иные черты людей – благородство, самопожертвование, стойкость.

В философском понимании образ – это форма отражения чего-либо в сознании. Это некая единица восприятия, на основе которой в последующем создается культурный паттерн, содержащий эмоциональные характеристики какого-либо социокультурного объекта. Образы, возникающие и приживающиеся в социокультурном пространстве, устойчивы и оказывают существенное влияние на изменение мышления и социального восприятия явлений. Любой образ содержит помимо эмоциональных компонентов и интеллектуальные, которые подразумевают попытку рационального объяснения социальных явлений. На формирование образов оказывают влияние различные факторы социокультурного, политического, экономического характера, поэтому под образом мы будем понимать синтетическое единство модальностей, выражающих убеждения больших социальных групп в определенный исторический период.

Образ войны предстает как комплекс представлений о ней. Е. С. Сенявская отмечает: «Субъект восприятия, формирования этого образа может быть весьма дифференцированным: это

и массовое общественное сознание, это и высшее политическое, а также военное руководство, и, наконец, это армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено» [1, с. 43]. В самом широком смысле образ войны включает не только оценку происходящих событий, но и образ врага, и свой собственный. Образ войны является частью более широкого понятия – исторической памяти, основной механизм формирования которого – межпоколенная коммуникация, в процессе которой происходит передача исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта. Образ войны, выполняя трансляционную функцию, передает понимание войны предшествующими поколениями. Он наполнен разными характеристиками, война предстает как театр, игра, сравнивается со стихиями – грозой (война гремит), огнем (пламя войны, пожар войны), ветром (ветер войны) [2, с. 17]. Образ войны изобилует различными ярлыками, которые подчеркивают его эмоциональность, живость, яркость.

Война – многомерный социальный феномен, рассматривать который можно с различных позиций. Война предстает как социально-политическое, как цивилизационное, как экзистенциальное явление, сочетающее в себе огромное число личных трагедий, это драма жизни и то же время творчество, героизм, деятельность. Именно в образе войны особенно явственно прослеживается ее антропологическое начало. Главное на войне – это человек. Именно он является источником военных конфликтов, их зачинателем, от человека зависят ход и исход войны. Именно для него война предстает как некая «пограничная ситуация», благодаря которой меняется его мировоззрение, отношение к окружающему и самооценка. Образ войны, сформированный у человека, прошедшего через войну, опосредован различными факторами, в первую очередь той позицией, тем местом, которое отведено конкретному человеку в войне.

Образы войны, функционирующие в социокультурном пространстве, по своему происхождению могут принадлежать к двум группам: во-первых, они трансформируются при помощи бытийно-эмпирического уровня и интегрируются в социокультурную ткань эпохи. Во-вторых, эти образы привносятся в существующую картину мира из разных областей (науки, искусства, художественного творчества, иной культуры и т. д.). В процессе функционирования и первые, и вторые, как правило, смешиваясь, образуют некие синтетические образы войны,

которые и определяют общий уровень представлений о ней на данном историческом этапе развития общества и в определенных социальных группах.

Образы войны, формируясь и наиболее ярко проявляясь в ходе войны, накладывают отпечаток и на мировоззрение всего народа. Именно они наиболее устойчивы, хотя все существующие образы войны – образования динамичные. С изменением характера социокультурного развития меняется и образ войны. Исследователи пишут о том, что рубежом эпох в коллективной памяти служит период в 40 лет, по истечении которого живые воспоминания начинают постепенно исчезать [3, с. 11]. Я. Ассман заметил, что содержательное наполнение памяти, ее организация, сроки, в течение которых в ней могут сохраняться различные знания и та или иная информация, определяются не внутренней емкостью, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками [3, с. 19]. «Основной функцией социальной памяти является самоидентификация определенного сообщества через подчеркивание его отличий от остальных сообществ и преуменьшение возможных разногласий внутри самого себя» [4, с. 33]. Существование определенных образов прошлого, в том числе и образов войны, возможно только в силу заинтересованности определенной социальной группы в пролонгации своего существования.

В современном социокультурном пространстве невозможно существование единой и однородной коллективной исторической памяти, наполненной образами прошлого, принимаемыми всеми. Можно выделить три важнейшие причины размывания образов прошлого и образа войны в частности: во-первых, информационный плюрализм. Благодаря развитию Интернета, расширению сети средств массовой информации, рассекречиванию архивов, недоступных ранее, информация о прошлом, распространяемая в широких социальных кругах, весьма противоречива. Образ войны в пространстве информационного плюрализма неоднозначен, причем надо отметить, что в данном случае речь идет не только о Великой Отечественной войне, но и о других военных конфликтах, в которых косвенно или прямо участвовали представители различных социальных групп нашего (и не только нашего) государства. Во-вторых, кризис исторического и гуманитарного знания: в эпоху доступности информации профессиональное историческое и социогуманитарное знание теряет свои передовые позиции и отходит на последние места: вперед выдвигается обыденное, повседневно-

бытовое, основанное на «слышал», «когда-то читал», «по телевизору говорили», «в кино видел» интерсубъективированное знание. В-третьих, расширение сети средств массовой информации является условием манипулирования и создания тех образов прошлого, которые выгодны на данном этапе развития общества.

Так историческая память становится избирательной. Она нередко ставит акценты на одних исторических событиях, абсолютно игнорируя другие. Конечно, избирательность связана со значимостью определенных событий для настоящего, но в большей степени она есть результат действия вышеобозначенных причин, что ведет к гиперболизации, преувеличению отдельных моментов исторического прошлого и имеет результатом трансформацию, в том числе и образов войны.

Образы войны, существующие в мировоззрении социума, в его исторической памяти, детерминируют и отношение к войне как таковой. Милитаризация сознания, через которую прошла Россия в XX столетии и которая в очередной раз становится актуальной для страны, свидетельствует об изменении отношения к войне и трансформации образа войны в общественном мировоззрении в сторону ее оправдания и придания статуса благородной. Благодаря тем конфликтам, в которых Россия так или иначе задействована в последние десятилетия, в широкие массы проникает психология комбатантов. «Человек воюющий» – новая реалья начала XXI в., новый социоантропологический типаж. Он готов участвовать в любой войне, его не смущают негуманные основания любых военных действий, для него война – это норма. Формирование «человека воюющего», по всей видимости, следует отнести к первой половине XX столетия, к так называемой «Второй тридцатилетней войне» (1914–1945 гг). Этот период тотальной войны коренным образом изменил мировоззрение эпохи и привел к состоянию перманентной войны «всех против всех», в результате которой мир на планете стал в принципе невозможен из-за серьезных политических разногласий.

Социокультурный контекст эпохи приводит к расслоению общества на два полюса: оправдывающих войну и не принимающих ее ни при каких условиях. Это означает существование двух групп образов войны: позитивных (оправдательных) и негативных (осуждающих). Внутри данных социальных групп формируются каналы коммуникации, по которым передается информация, поддерживающая функционирование принятого образа войны.

Образ войны – образование комплексное, в его структуре можно выделить следующие составляющие: прообразы, синхрообразы и постобразы [5, с. 12]. Прообразы предвосхищают военные события. Они целенаправленно создаются в ходе пропаганды задолго до начала военных действий. Эти образы искусственны по способу образования. Их формирование обусловлено деятельностью средств массовой информации, телевидением, радиопрограммами, а также функционированием социальных сетей и других способов коммуникации в сети Интернет. Одной из важнейших функций прообразов войны является манипулирование сознанием и получение желательных настроений в социальных слоях.

Синхрообразы возникают и развиваются в тесной связи с изменением обстановки в ходе военных действий. Огромное влияние на возникновение синхрообразов оказывает фронтовая повседневность, в которую погружен человек. Современные исследователи отмечают: «...невозможно создать универсальную картину фронтовой повседневности, но возможно описать некий набор типичных ситуаций для основных категорий военнослужащих с основными показателями и проявлениями повседневности для каждой из категорий» [6, с. 19]. Конечно, жизнь на войне – это сменяющие друг друга пограничные ситуации, постепенно приобретающие статус постоянных. Психология человека на войне подвергается коренным изменениям, образы войны как взгляда «извне» и взгляда «изнутри» настолько различны, что порой их сравнение некорректно.

Итак, синхрообразы качественно различаются, прежде всего, по субъекту образования. Отметим, что в период военных действий формируются разнообразные группы таких субъектов, например, комбатанты и некомбатанты, рядовые и офицерский состав, низший командный состав и высший, командные кадры и т. д. Для каждой группы война своя: каждая по-своему воспринимала бой, смерть, врага. Для тылового труженика бой, сражение принимают форму трудовых будней: нередко приходилось «сражаться» с собой, со своей усталостью, голодом, желанием спать. Враг был далеко, но мог быть и где-то рядом – шпион, диверсант, предатель. Для реальных участников боевых действий война была реальным пространством жизни, повседневностью, смерть сопровождала, была рядом и делала людей ожесточенными и, в определенной степени, к ней равнодушными. К смерти привыкали, как привыкали и к опасности,

однако, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя привычно. Танкисту было очень неуютно под открытым небом в бою, когда он не был защищен броней от снарядов. Летчики тоже с трудом адаптировались к иным условиям. Враг был рядом, и представителю разных родов войск он виделся в соответствии с определенным «углом» обзора: танкисту – через смотровую щель, пехотинцу – из окопа, летчику – из кабины самолета, артиллеристу – сквозь прицел орудия... Летчица А. Г. Бондарева вспоминала: «Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...» [7, с. 115]. Кто-то встречался с врагом лицом к лицу, видел его глаза, кто-то посылал снаряд в намеченную цель. Враг в этом случае не всегда был очеловечен: он принимал формы машины (самолета, танка, автомобиля и т. д.). Санинструктор О. Я. Омельченко, вспоминая рукопашный бой, пишет: «Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон <...> пехоту ни с чем нельзя сравнить» [7, с. 163–164]. В бою выбора не было, вернее, была альтернатива: либо ты первым убьешь, либо тебя убьют. Война для всех ее участников становится обыденной, привычной и естественной. Можно привести множество примеров, подтверждающих, что смена уклада жизни в послевоенное время для многих участников войны стала потрясением, они не понимали, как нужно жить, для них жизнь осталась там – на войне. Образ мирной жизни стерся в сознании, ушел в небытие. У. И. Кулянина, анализируя воспоминания Николая Буторова – участника Первой мировой, приводит следующую выдержку из его дневника: «Думается, многие, пережившие войну, привыкнув к постоянным переменам, неожиданностям, сильным встряскам, богато заполняющим и разнообразившим существование, вряд ли могли бы удовлетвориться <...> спокойной, размеренной жизнью мирного времени. Она была для них уже слишком пресна» [8, с. 491]. Его сестра Юлия Буторова подтвердила слова брата: «Конец войны – это конец нашей самостоятельности, конец работе, коней целой жизни. Впереди пустота, полная, неприглядная и почти для всех без исключения» [8, с. 492]. Подобное отношение к войне вполне объяснимо: на войну пришлось годы молодости, те самые, когда осуществляется становление характера, когда человек определяется с будущим; и война сделала свое дело – она воспитала таких людей, которые ее приняли.

Постобразы войны возникают по окончании военных действий. Границы, которые разделяют прообразы, синхрообразы и постобразы, условны, например, постобраз может служить основой формирования прообраза следующей войны. Как правило, так и происходит: постобраз войны активно используется СМИ в пропагандистских целях, государством – в идеологических.

Формирование образа войны у тех, кто не участвовал в боевых действиях, происходит в процессе коммуникации с участниками войны или под воздействием официальной трактовки войны, но индивид вносит в него свои изменения, придавая тем самым определенную самостоятельность «своему» образу войны. Так, выделяются индивидуальные образы войны, сформированные в сознании каждого, групповые, появившиеся в результате интерсубъективации образа войны, и государственные (официальные), формируемые и используемые государством в своих целях. Государственные образы тесно переплетены с военными мифами, созданными в некоторых случаях тем же государством, либо родившимися самостоятельно, стихийно, в низовых слоях общества, и получившими широкое распространение.

Современные войны претерпевают существенные изменения по различным показателям: характеру применяемого оружия, социально-политическим характеристикам, количеству задействованных сторон и т. д. Бурно развивающаяся военная техника выводит систему «человек–машина» на новый уровень взаимоотношений. Возникает особый вид коллектива, объединенный функционирующей военной техникой: экипаж корабля, танковый и летный экипажи, команда подводной лодки; формируется «экипажное братство». У них одна цель, и жизнь их зависит от слаженности и четкости действий всех и каждого. Образ войны для них предельно конкретен и связан с участием в конкретном бою.

Существенной особенностью войны XXI в. является ее всеобщность, фактически война стала мировой и перманентной: она охватывает огромные территории, в нее прямо или косвенно вовлечены многие государства [9]. А переход в область виртуального и применение высокоточного оружия приводит к тому, что линия, разграничивающая «своих» и «чужих», перестала существовать. Война и мир потеряли свои рамки. Где мир? Где война? Они настолько связаны и взаимозависимы в современном мире, что разграничить эти два социальных состояния практически невозможно. «Вечный мир

возможен только на кладбище», – утверждал Г. Лейбниц. И эта фраза особенно актуальна для современного этапа развития общества. В современном обществе «дух» войны пронизывает все: социальная жизнь предельно милитаризована, образ войны теряет свою самостоятельность, он совмещается с образом Родины, победы, военной мощи. Время покажет, насколько правомочны подобные социальные манипуляции.

Список литературы

1. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
2. Подюков И. А., Свалова Е. Н. Зрячий образ войны // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия (Пермь, 19–21 мая 2005 г.). Пермь, 2005. Вып. 3. С. 137–143.
3. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о

прошлом и культурная идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

4. Аникин Д. А. Топология коллективной памяти : от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов, 2016. 163 с.
5. Поваляев В. Г. Война как социальное явление : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 16 с.
6. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность : очерки по военной антропологии. М., 2017. 422 с.
7. Алексеевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. 317 с.
8. Кулянина У. И. Великая война в восприятии провинциального дворянства (по материалам дневников и воспоминаний Николая и Юлии Буторовых) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. Шестой Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 479–495.
9. Шакирова Е. Ю. Новые старые войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 50–53.

Образец для цитирования:

Шакирова Е. Ю. Образ войны: проблема содержания и формирования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 172–177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177.

The Image of War: the Problem of Content and Formation

E. Yu. Shakirova

Elena Yu. Shakirova, Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran); 1, Marshal Zhukov Str., Syzran, 446029, Russia, 5526reu@mail.ru

War as a complex social phenomenon can be analyzed from different perspectives: it appears as a socio-political phenomenon, as a civilizational, as an existential one. Importantly on war-man, so war is perceived not only on level facts, but and in the form of way of, which represents complex views about it, including and assessment of events, and assessment of enemy, and own image. In the structure of the image of the war, the author highlights the foretypes, synchro and prototyping. The content and formation of the image of war should be considered in close connection with the socio-cultural system: the features of the current socio-cultural situation determine the change in the collective memory, the element of which are the images of war. The existence of a single collective memory, filled with images shared by all people, is impossible. Informational pluralism, the crisis of humanitarian and historical knowledge, the expansion of the media network stimulate the emergence of heterogeneous images of collective memory, which appears as an electoral phenomenon: the significance of some events is often leveled and the values of others are exagger-

ated. The peculiarity of the modern socio-cultural situation leads to militarization of consciousness and to the justification of war as such, there is a new socio – anthropological type – «a man at war», for which war becomes an ethical norm.

Key words: war, image, image of war, man, worldview, historical memory.

References

1. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voyny v XX veke. Istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the twentieth century. Historical experience of Russia]. Moscow, 1999. 383 p. (in Russian).
2. Podyukov I. A., Svalova E. N. Zryachiy obraz voyny [The visible image of war]. In: *Astafevskie chteniya. Sovremennyy mir i krestyanskaya Rossiya* [Astafev reading. The modern world and the Russian peasant {Perm, 19–21 May, 2005}]. Perm, 2005. Iss. 3, pp. 137–143 (in Russian).
3. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i kulturnaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and cultural identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, 2004. 368 p. (in Russian).
4. Anikin D. A. *Topologiya kolektivnoy pamyati: ot sotsialnykh riskov k tsivilizacionnym vyzovam* [The topology of collective memory: from social risks to civilization calls]. Saratov, 2016. 163 p. (in Russian).

5. Povalyaev V. G. *Voyna kak sotsialnoe yavlenie* [War as a social phenomenon]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2007. 16 p. (in Russian).
6. Senyavskaya E. S., Senyavskiy A. S., Zhukova L. V. *Chelovek i frontovaya povsednevnost: ocherki po voennoy antropologii* [People and front-line everyday life: essays on military anthropology]. Moscow, 2017. 422 p. (in Russian).
7. Alekseevich S. *U voyny – ne zhenskoe lico* [War has no female face]. Minsk, 1985. 317 p. (in Russian).
8. Kulyanina U. I. *Velikaya voyna v vospriyatii provincialnogo dvoryanstva (po materialam dnevnikov i vospominaniy Nikolaya i Yulii Butorovykh)* [The great war in the perception of the provincial nobility {based on the materials of the diaries and memories of Nicholas and Julia Butorov}]. In: *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy*. Tr. Shestoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 4 ch. [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Sixth International scientific-practical Conference: in 4 parts]. St. Petersburg, 2015. Pt. 2, pp. 479–495 (in Russian).
9. Shakirova E. Yu. *Novye starye voyny* [New old wars]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of the military], 2017, no. 3 (12), pp. 50–53 (in Russian).

Cite this article as:

Shakirova E. Yu. The Image of War: the Problem of Content and Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 172–177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177.
